

18+

Сергей Ленский
На той стороне
(сборник рассказов)

Сергей Ленский

На той стороне.
Сборник рассказов

«Издательские решения»

Ленский С.

На той стороне. Сборник рассказов / С. Ленский —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-986360-7

На той стороне у нас хранятся мечты — несостоявшиеся, несформировавшиеся, далёкие-близкие, свои-чужие. Потерянное счастье, светлое будущее, которое уже прошло или никогда не наступит, успех, слава, первая любовь — всё на той стороне. Там всегда хорошо, потому что мы здесь. Иногда нам удаётся перешагнуть на ту сторону, но она быстро меняется местом с этой. В сборнике вы найдёте личное и обезличенное, юмор и сатиру, милоту и боль. Для каждого и ни для кого. И ту сторону.

ISBN 978-5-44-986360-7

© Ленский С.
© Издательские решения

Содержание

Семь-я	6
Мама (первый в жизни стих, жаль, про папу ничего)	6
Волшебный апельсин	8
День медика	13
Нарисованные стихи	16
Воскресенье	18
Бабочки	19
Мужчины и Женщины... и картошка	20
Ногти	21
Гранат, мухобойка и потайное место	22
Булавка	23
Там	24
Футбольно-нефутбольное	25
Последний гол Несмеяныча	25
Конец ознакомительного фрагмента.	29

На той стороне

Сборник рассказов

Сергей Ленский

© Сергей Ленский, 2020

ISBN 978-5-4498-6360-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Семь-я

Мама (первый в жизни стих, жаль, про папу ничего)

Мама – что это такое?
Ну и странный же вопрос!
Знает, кто такая мама,
Даже тот, кто не дорос.

С рождения перед глазами
Мелькает доброе лицо.
В кровать всегда уложит мама
И скажет: «Солнышко мое!».

А слово первое какое
Ты с удивлением сказал?
А кто поддерживал тебя,
Когда ты на ноги вставал?

Хоть плакал в детстве, хоть болел,
Хоть ты ходил гулять,
Хоть спал, хоть пил, хоть что-то ел,
Но рядом была мать.

Вот школа. Осень на дворе.
Идешь ты в первый класс.
И с мамой робко к детворе
Подходишь ты, смеясь.

Вот и экзамен выпускной,
Последний в школе бал.
А мать стоит рядом с тобой,
Хоть ты взрослее стал.

Уж восемнадцать лет. Вперед
Зовет тебя гудок.
Жизнь будет у тебя не мед
И преподаст урок.

А мать? Что будет делать мать
Не менее двух лет?
В подушку плакать и взывать
Бога помочь тебе.

Придя из армии домой,
Ты скажешь, не тая,

Любимой маме и родной:
«Как я люблю тебя!»

Ведь только мать идет с тобой
Всю жизнь. Упал – поднимет.
И никогда, и ни за что
Она тебя не кинет.

1999 г.

Волшебный апельсин

Каждое событие влечёт за собой другое. Это понятно. Каждое событие для того и происходит, чтобы повлечь за собой другое, не произвольное, а определённое. Это спорно. Но случается. Случай – не бессмысленная вещь. Случай сам выбирает, с кем и когда случиться. Я в это верю, во всяком случае.

До сессии у меня не было никаких хлопот. Без хлопот я прилежно отмалчивался на каждом семинаре, уже понимая, что они меня ждут – хлопоты. Жизнь шла нескучно. Оставив активную учёбу на сессию, я всё время посвятил чтению, газетному футболу, тренажёрке и другим преходящим занятиям. Я отошёл от 506-й комнаты. Первые два курса я там зависал каждый день после учёбы в уютной женской компании (и поесть можно, и в компьютер поиграть, и душевное общение там же – именно душевное, ничего лишнего я сюда не вкладываю). Но на третьем курсе случилась неприязнь новой соседки Марины – она чуть ли не открыто сказала, что я мозолю им глаза. А также характер одноклассницы Насти начал слишком часто меняться. Она и с парнем в это время рассталась, и с новым повстречалась. В общем, дорога в 506-ю была навсегда забыта, и первый семестр получился довольно новым.

Я так и не сблизился с Шижиром (Чижиром – я точно не знал, как его зовут). Он остался монголом, но не соседом. Вялено-варёная конина, которой он как-то угостил меня, отбила вкус к мясу на месяц. Кумыс я даже не пытался пробовать: ни молоко не люблю, ни алкоголь. То ли дело макароны с кетчупом каждый день... Язык Шижир знал плохо. Поэтому двум разным культурам перемешаться в 505-й комнате было не суждено. Но парень он всё равно добрый.

Перед сессией меня больше всего волновал курсовик (по уголовному праву – по любимой коррупции, которую я ещё не раз возьму в темы), но я не суетился, хоть и понимал, что времени нет совсем и вовсе.

В один из последних подготовительных дней я шёл за книжкой для курсовика в самую дальнюю библиотеку универа. В этой части я давно не бывал. Про себя думал, что давно не видел Таню, и надо как-нибудь осмелиться к ней сходить. Ну предложил ты ей руку и сердце в виде дружбы, ну отказалась она, человек-то всё-таки хороший, что бы Настя ни болтала.

Наш Нархоз не такой крупный универ, как иркутский политех – тот раза в 2 больше. Но и не из карликов. Несколько разностилевых зданий, сшитых между собой переходами. От трёх до девяти этажей. Сотни аудиторий, десятки факультетов. И тысячи студентов. И до этого мы с Таней не виделись ни в универе, ни в общежитии три месяца. Но несмотря на это, была лёгкая уверенность, что Таня попадётся по дороге. И когда возвращался обратно из библиотеки, действительно услышал: «Привет, Серёжка!». «Привет!» – я смутился, в итоге приветствие вышло сдержанно холодным. Она спросила, откуда я иду. Я ответил. Она пригласила меня поболтать. Я кивнул. Я спросил, как у неё новая соседка. Она поморщилась. На прощанье попытался подарить улыбку добрее, но вышло так же неудачно. Однако вздохнул я всё же облегчённо, потому что появился повод к ней зайти. Никакого эгоизма к ней не было – время – хороший хирург, – но человек она хороший, заряжающий, поэтому я ещё раз облегчённо вздохнул.

На выходных я попытался написать курсовик (а в выходные я всегда возвращался в отчий дом в Черемхово – ел, спал, рубился в Фифу и писал курсовики. И ни фига не помогал по дому, хотя особо и нечем было). В понедельник пришёл к Тане. Говорили про жизнь, которая протекла за три месяца невидения. У меня есть состояние, при котором я не могу контролировать выражение лица. Я и так не умею его контролировать, но есть минуты, когда лицо начинает дёргаться, абсолютно выходя из подчинения. Человек что-то рассказывает, я его внимательно слушаю, гляжу на него и иногда не выдерживаю пристального взгляда и чувствую, что лицо начинает искажаться. Началось это недавно. Один из случаев очень чётко помню – Танин День

рождения, когда её соседка начала выпытывать, что для меня значит Таня. Тогда тоже наступил этот стопор, я силился улыбнуться, но губы стягивались, стремились стать частью испуганного выражения. В тот понедельничный вечер произошло то же. После такого всегда тянет сбежать в одиночество.

На следующий день Таня обещала зайти, взять книжку, которую я ей прорекламовал («Евангелие от Иисуса» Жозе Сарамаго – как ни странно – от религии там только название и декорации). Шижира в комнате не было, но был второй сосед Рома. Рома переехал со мной в 505-ю из 507-й после конфликта с психбольным Андреем. Фабула: на первом курсе в февральский вечер одна непомытая ложка стоила разбитого носа Ромы, через неделю разбитого окна, перевёрнутой мебели, подложного заявления об ограблении и моего ничем не оправданного хождения в наручниках по всему универу в сопровождении двух бандюковатых оперов. Одна грязная ложка. С неё всегда всё начинается. Но кончилось всё хорошо и правильно.

Когда Таня приходила ко мне, я всегда замечал интерес Ромы к ней, как и положено ромбабнику, за глаза я так его и называл. Когда Таня приходила, я старался молчать, не только потому, что она тоже находила какую-то пользу в беседе с Ромой, но и потому, что в своей комнате я говорил всегда нагло, грубо и местами пошло. Хотя подозреваю, что всю наглость, грубость и пошлость замечал только я.

* * *

На выходных таки написал курсовик. Поехал в Иркутск с расчётом остаться до последнего экзамена – делов на две недели.

Зачёты сдал без трудностей. Курсовик по коррупции защитил на «пять», благо задобрили училку соком. Я против коррупции в каком бы то ни было проявлении, но являюсь её частью, и никуда от этого пока не деться.

Первый экзамен по конституционному праву и ещё чего-то там должен был случиться в воскресенье. Билеты дали только в пятницу. В субботу я начал исправно готовиться – с вдохновением, всё понимая и запоминая. Пришёл чересчур, полностью, не совсем и совсем малость готовым (по разным вопросам по-разному). Но готовым. Вошёл одним из первых. Билет выпал не самый удачный. Второй вопрос я знал хорошо. А первый так себе, но знал. Была лёгкая уверенность, что вытяну на четвёрку. Первый вопрос сдал с горем пополам, второй сдал. Вижу – препод ставит оценку. Суркова Ирина Сергеевна. Не любила она свой предмет – видно было – ходила важная всегда, тем самым пыталась компенсировать проблему с дикцией. Предмет объясняла скучно, почти с тетрадки. А ещё была женой местного профессора. Вижу – ставит оценку – пять. Ого – пятёрку за заваленный первый вопрос! Адреналин радости парой каплей попадает в кровь. Смотрю – рядом приписывает ноль и букву «б». Это же 50 баллов – тройка то есть! Опомился поздно, попросил о пересдаче, она не захотела исправлять на двойку.

Вышел – ничего не чувствую, ничего не слышу, не понимаю, даже голос монотонный – ничего. Первая тройка за три года, а если считать школу, то намного больше. Заваленная сессия и ноль рублей стипендии на следующий семестр.

Пошёл выбирать подарки родным в торговый центр – запланировал заранее, что ж теперь откладывать, тем более дома Рома с подружкой – попросил раньше двух часов не возвращаться. Походил по ТЦ. Настроение паршивое, ничего дельного и дешёвого насчёт подарков в голову не пришло. На одной витрине выбирал карманные радиоприёмники маме и вдруг увидел себя в телевизоре, который был подключён к камере. Это было неожиданно, поэтому я успел застать себя с тем выражением лица, которое висело до того, как я узнал себя. И оно мне вообще не понравилось, потому что заметнее всего на лице выступала еле заметная улыбка. Именно так – еле заметная улыбка была заметнее всего. Настроение паршивое, а я улыбаюсь! Такое зрелище вовсе отбило желание подарков. Выходя подумал: ещё бы на гопников нарваться, и день выдастся самый что ни на есть... Гопников и в Иркутске, и тем более рядом с ТЦ хватало.

За два курса трижды повезло с ними пообщаться, один раз очень неудачно. Поэтому их я ненавидел больше всего.

До общаги пошёл пешком. Вообще решил, что экономить буду. Без стипендии. Но за билетами Русского лото в киоск ходил. Подумал, раз так не повезло с учёбой, значит, должно повезти с деньгами. Выбрал два билета на один и два на другой новогодние тиражи. Себе не взял. Решил отказаться от всех азартных игр разом. Продавщица пожелала: «Выигрывайте, молодой человек!». Мне понравилось это напутствие, мысленно я её поблагодарил ещё раз, и появилась лёгкая уверенность.

Таня обещала зайти в воскресенье, но не зашла. Следующим экзаменом была политология. Дядька очень интересный и видом всегда задумчивый и несчастный – Юрий Петрович Вахрушев. Готовиться начал сразу после завала. В понедельник пошёл с утра в общаговскую библиотеку. Читалось плохо. Часто отвлекался, один раз даже не зря. В коридоре по телефону заговорил знакомый голос. Я вышел, спросил у Тани, где была вчера, почему не зашла. Она начала извиняться, рассказала про испорченное ничем настроение. Была где-то. Спорила с кем-то о чём-то. Этот кто-то сказал плохое что-то, и настроение испортилось. А потом она сказала, что начинает ненавидеть себя из-за неведомого мною в ней ехидства и злорадства, вечно присутствующих при общении с другими. Ещё поболтали о том-сём в её комнате и разбежались. То есть я разбежался, а она осталась в комнате, а я разбежался. Разошёлся. Пошёл. В библиотеку. Читалось опять плохо. Взял «Футбол» – вот и «нет» азартным играм! С горем пополам всё выучил (и в футболе тоже).

Была лёгкая уверенность, но пропала сразу после того, как Юрий Петрович выгнал меня из аудитории и велел прийти со своей группой (очень уж хотелось мне сдать экзамен пораньше). Позже я всё равно к нему сунулся, но видимо, первое впечатление оказалось неважным, и он решил меня загрузить. В итоге – тройка. Самое интересное, что я помог сидящей за соседней партой Козловой Наташе, и она получила пятёрку. А себе вот не помог.

Что-то было не так. От троек я был всегда далёк, не считая седьмого класса, когда целую четверть меня валили по истории не только учительница, но и собственные одноклассники («а спросите Ленского – у него очень хорошее сочинение!» – а я забыл напрочь про него и не сделал – в результате двойка, которую так и не удалось в четверти положительно перекрыть). Но Юрий Петрович дал мне шанс.

Вечером я опять пошёл к Тане. Потом готовился. А на следующий день Таня позвонила и позвала в кино. Развеемся, отвлечься от суеты-сессии. Я посомневался-поломался, и конечно, согласился. До этого несколько раз ходил с ней в кино. Матрица-2-3, Властелин колец-3, теперь вот комедия какая-то. После «Властелина...» я как раз и решился на ту несурезицу. Всю дорогу решался, перед самыми дверями общаги выдал в слова, но в итоге пожалел.

В этот раз согласиться-то я согласился, а потом всё шёл в наш кинотеатр «Художественный» и думал: чего это она позвала? Конечно, не из-за эгоизма, она говорила, что ей «не нужны серьёзные отношения». Просто хотелось отдохнуть-развеемся? А я как компания, которую легко уговорить? Из жалости или чего-то более точного? Может, об этом я и думал по пути, но в самом холле кинотеатра я уже думал о неприязни к общественным местам. Одному в ожидании Тани было неинтересно, неловко. Я изучал окружающих. Казалось, каждый видит не только моё смущение, но и знает, кого конкретно я жду.

Вот стоит компания парней. Не люблю таких. Что-то злобное от них всегда исходит. Вот прошли несколько. Походка наигранна, взгляд вызывающий, лицо надменное. Сразу веет презрением и ложью. Вот стоит ещё куча. Базарят о чём-то. Кожанки, казачки-остроносы, джинсы, походка размеренная, амплитуда колебания тела крутая. Соответствие стереотипу реального пацана – 100%. И базар. Придаться просто так к человеку. Показать, кто здесь хозяин, унижить. Чаще всего за реальным пацаном кроется слабый человек, ничего не могущий вне братвы. Способ решения любой проблемы – загрузить, задавить, развести. Если не поможет, приме-

нить силу. Не свою. Он трус. Толпой задавить. Я плохо понимал эту кашу, но видел: от них всегда исходит нелюбовь к слабым, лохам.

Наконец-то пришла и Таня, прогнав мои дрянные мысли. Пошли на фильм – разместились на соседних креслах с подлокотниками-подстаканниками. Я вспомнил, что одним из вариантов моего тогдашнего признания было молча положить руку на руку. Но я это считал за наглость несусветную, а самым рациональным видел только слова. Наверно, зря. Фильм был необычный, жёсткий, про игру и любовь – «Влюбись в меня, если осмелишься». Хороший, но больше я его никогда не смотрел. На обратном пути мы общались только про впечатления от фильма и прочую чушь. Никаких реальных иллюзий я и не испытывал.

* * *

На следующий день повторный экзамен. Может, Юрий Петрович вспомнил прошлое, может, вредность какая-то, но четвёрки я не заслужил и во второй раз. На просьбу пересдать он тихо возмутился, сказал, что шансов у меня мало. После моего ухода он, говорят, ещё ворчал.

Я сдался. Решил поехать домой. Достало всё. Практического смысла, на самом деле, в этой четвёрке не было. Стипендию не вернуть. Но четвёрка от такого грамотного препода была важна мне лично. Или не важна? Зачем я упираюсь? Потому что мне дают шанс, и я беру?

В это время я уже сидел в корейской маршрутке, а она стояла в пробке, а пробка торчала на улице Карла Маркса, которая находилась далеко от вокзала. А времени оставалось меньше, чем впритык. Иркутск не хотел меня отпускать. Не хотел и не отпустил. Опоздал на электричку я на жалкие секунды. Обратный шёл уже с чётким подозрением: это судьба. Что только хотел преподнести мне Иркутск, я не понимал. Как минимум, он преподнёс дальнюю прогулку от вокзала до общаги: через Ангарский мост и проплывающие под ним одинокие льдины в чуть заметном дымке. По уютной улице Степана Разина с белыми деревьями и трамвайными путями. Затем через замёрзшие фонтаны и стадион «Труд», ТЮЗ и филармонию. Верх по улице Седова мимо старых бревенчатых домиков, рядом с которыми скоро вырастут домики новые, образовав чужой сто тридцатый квартал. По всегда шустрым ступеням к музтеатру, через парк – бывшее Иерусалимское кладбище – к улице Советской. Мой любимый пеший маршрут, начиная с курса второго. Но больше нравилось ходить утром на учёбу в обратном направлении. Первый курс я болтался в тесных трамваях-троллейбусах, но это было дорого. Социальный проездной мне положен не был, а подделывать дешёвый школьный я перестал после первой же встречи с внимательным кондуктором. Поэтому выход был найден в экономии на проезде. Закончилось же всё любовью к продолжительным пешим прогулкам.

Через день я всё же пошёл на третью попытку. Особо не готовился. И не волновался. И всё-таки вытянул на четвёрку. Хотя Ю. П. сомневался, что мне поставить, а я несколько раз нервно хихикнул, пока он сомневался. Видимо, всё же гуманизм и нежелание добивать мои нервы победили. После я решил попытать удачу – напроситься на пересдачу первого экзамена. Однако Ирина Сергеевна была важна и непреклонна.

После универа я с лёгкой душой варил себе сухой суп (так я всегда называл суп-уху) и предвкушал новогодние каникулы, редкие в моей студенческой жизни котлеты с картошкой и подливом, и бесчисленные конфеты, конечно. И вдруг неожиданно по портьеру, тишину шагами меря, как будущность вошла Таня. Руки за спиной. А там он – подарок. Апельсин. Таня сказала, что он волшебный и исполнит любое моё желание. Я постыдился. Подарка для неё у меня не было, даже встречного фрукта. Сухой суп дарить не решился, так и попрощался пустыми словами «С Новым годом!». А потом пришло озарение – билет Русского лото. «Выигрывайте, молодой человек!». Я ещё посмотрел немного на пьяных монголов в комнате – явление очень редкое – и пошёл к ней.

Робкий стук. Удивление. «Ты-то меня поздравила, а я нет». Ненужные «Так, под рукой был билет, я и решил...». Секундное пересечение взглядов. «А если выиграю?» – «Так для этого и дарю». И всё это сопровождается заворожительный её хохоток. Прощание...

Видимо, за этим Иркутск и не отпускал меня. Может быть, он хотел научить меня настойчивости. Но уроки настойчивости я до сих пор понимаю в собственном смысле.

* * *

Потом Таня выиграла миллион. Или не выиграла. Или выиграла, но не миллион. Не буду врать. Ведь если скажу, что Таня выиграла, то совру. А если скажу, что не выиграла, значит и апельсин был неволшебный. А он-то как раз волшебный, я проверял. Но это другая, более поздняя история.

Одно знаю точно, в следующем году все мы – и Таня, и Рома, и даже Шижир – пошли совершенно разными дорогами, которые пересеклись на мгновение лишь однажды. Ровно через год я опять получил тройку за экзамен, и опять от Сурковой. Шёл, расплющенный, по коридорам. Сначала навстречу попался Шижир, мы друг другу кивнули молча. Затем я увидел Таню, успел пожаловаться ей на тройку, как вдруг ещё и Рома свалился в эту точку пространства. Мы перекинулись парой событий, пару раз пошутили, пару раз улыбнулись и разошлись уж точно навсегда. Рома в бизнес к своему отцу, Таня в Москву и в стюардессы, а я... ну вы знаете. Или скоро узнаете, если захотите.

06.01.2005, 13.04.2020

День медика

Еще бы чуть-чуть, пара каких-нибудь деньков, – и Матвейка был бы Рак. Он был бы похож на меня, как будто игрушечное отражение в игрушечном зеркале. Похож во всем. Такой же голубоглазый, с веснушками, кудряшками-завитушками, ушками-«намакушками». Но Матвейка – Близнец. Тоже мой, игрушечный близнец. Потому что похож на меня. Те же глазки, веснушки, кудряшки и ушки. Но как у Близнеца. Не как у Рака. Вы верите в гороскоп? И я нет. Все эти «луны в Тельце», «венеры в Близнеце» – всё это слишком заковыристо, если не вникать, а если вникнуть – еще заковыристее. И несмотря на это, мне было приятно осознавать, что вот по тому самому, потустороннему, заковыристому гороскопу, в который я не верю, но, на всякий случай, издали наблюдаю, по нему самому Матвейка будет, как и я, – Рак... Пара каких-нибудь деньков. И не каких-нибудь, а вполне определенных: часть девятнадцатого, и полностью двадцатое. Но – чего нет – того нет. Матвейка теперь навсегда станет моим игрушечным Близнецом. А когда я состарюсь, то стану его игрушечным Раком...

Медики – хорошие люди. Они борются за нашу жизнь. Есть плохие медики, есть хорошие. Плохие медики борются плохо, хорошие – хорошо. Но все они борются за нашу жизнь. И успехов с неудачами у каждого из них примерно поровну. Потому что борются за одно и то же и одними и теми же средствами. Те медики были хорошими. И людьми (по определению), и работниками. Не зря они трудились в лучшем роддоме области. Мама Матвейки хотела рожать в местном роддоме, но там тоже трудились хорошие медики, и они разглядели в небольшом обвитии плода пуповиной большие осложнения, поэтому мама на долгие недели поселилась в лучшем, но чужом роддоме.

У каждого человека есть свой профессиональный праздник, кем бы он не работал. Даже у безработного есть свой профессиональный праздник. И у медика тоже. Жизнь стала бы идеальной, если бы каждому трудящемуся и не только подарили один выходной день на свой профессиональный праздник. Но тогда бы пришлось запретить в День медика болеть, а в День милиции – пакостить? А что пришлось бы запретить в День безработного?.. Да, жизнь по всем параметрам далека от идеала.

Медики – хорошие люди. Но они не виноваты, что родились в такой вот бесшабашной России. Они не виноваты, что пьют, ведь они редко пьют – только по праздникам. Они не виноваты, что профессиональный праздник не сделали всеобщим выходным – для медицинских работников и их пациентов. И уж тем более они не виноваты, что в этот день кто-то маленький и беззащитный собирается появиться на свет и немного озадачить их в такой светлый и нужный праздник.

Но они ведь медики. Они могут немного передвинуть появление маленького и беззащитного. Чуть-чуть пораньше – на здоровье это никак не скажется. Он уже доношен, он уже готов. Ему осталось только сообщить о своей готовности маме. Почему бы медикам не помочь ему дотянуться до этого звоночка? Кто от этого может пострадать? И правильно – никто! От этого все только выиграют: и мама, чуть-чуть пораньше освободившаяся от ноши, и маленький, делающий чуть больше глотков свежего, чистого воздуха (он ведь с каждой минутой все грязнее в этом промышленном мире), и, конечно же, сами медики, окунувшиеся в профессиональное веселье на столько же мгновений раньше.

Капелька стимулянта, и мама уже готова: схватки запущены. Молодая девушка-врач обходит палаты одну за другой. На одинаковых кроватях, под одинаковыми одеялами лежат пациентки в одинаковых пижамах. Только в их одинаковых тумбочках переливаются разные разноцветные пакеты с одинаковыми зелеными яблоками и диетическими продуктами, принесенными заботливыми родными. Только в одинаковых взглядах ожидания приятных материнских хлопот чуть глубже читаются разные, романтические и обыденные, и может, даже

стыдливые воспоминания об обстоятельствах, которые повлияли на место настоящего пребывания. Кроме одной мамы, состояние остальных пациенток не предвещает тяжёлых выходных. Да и эта мама уже ничего подобного не предвещает. Схватки начались. Она уже постанывает шепотом. Несколько часов, и можно вздохнуть спокойно. Вот что значит опыт! Девушка-врач никогда бы до этого не додумалась. Стимулянт ведь вводят, если только роды проходят тяжело. А почему бы не сделать роды заранее легкими, ну или хотя бы уменьшить нежелательную вероятность? Опыт значит много. Старших время от времени надо слушать.

Коллеги тем временем закончили нарезать салат в эмалированный тазик-тарелку, разложили всю закуску на столе. Они торопятся, они боятся пропустить этот важный вечер накануне. «Вечер накануне» – он по важности своей немногим уступает самому празднику. На целую ночь ординаторская превращается в палату для банкета. Девушка-врач торопится осмотреть оставшихся пациенток, вот прошла мимо по коридору бабушка-санитарка, неуловимым кивком головы поманившая девушку туда. Следом за ней пронесся знакомый праздничный запах салата из тазика. «И не терпится же им! Вот дождались бы эту роженицу, а потом уже начинали бы», – думает девушка. Но пропускать хотя бы один весёлый миг не хочется. Напоследок по пути в ординаторскую девушка заглядывает к этой маме. Стон мамы уже стало слышно из-за двери. Схватки в полном разгаре. Они еще пару часов будут идти... «Лежите, мама, лежите. Хотя, впрочем, если вам неудобно, если вам больно и невыносимо лежать, можете сесть, можете встать на колени, как вам удобно. Сейчас медицина прогрессивная. Рожайте, где хотите. На этот зверский стол даже не обязательно залезать. Можно рожать даже на полу. А я сейчас приду. Кричите, если что. А то что больно, так это нормально, крепитесь, мама, крепитесь. Скоро всё кончится». И девушка-врач уходит, у нее теперь есть пара относительно спокойных часов, которые будут держать её в относительно спокойном напряжении.

А мама остаётся наедине с маленьким, который молча плачет и просится наружу всё сильнее и сильнее. Просьбы эти отдаются снаружи волнением живота, которое с каждой минутой усиливается, как шторм в море. Ему уже неприятно находиться в этой жидкости, в ней появилось что-то чужое, что-то изгоняющее маленького за ставшие родными стены. Он стучится громче и чаще, он плачет пронзительнее, но его неслышно и слёзок его не видно. Даже если бы стенки его дома были прозрачными, слёзок его никто бы не увидел, они сразу же смешиваются с водами. И плача его через воды никто не услышит. «Мама! – кричит маленький: – Мама, забери скорее меня к себе, мама!». Одна мама шёпотом переговаривается с ним. Одна мама его понимает и успокаивает: «Ничего, маленький, ничего, потерпи, врач сказал: ещё несколько часов, и мы будем вместе».

Но маленький и не думал ждать, пока эти вечные несколько часов пройдут. Ему очень не понравился стимулянт. Мама стояла на коленях на полу, мама корчилась от боли, мама кричала, но в ординаторской на её крики отзывались только весёлым и равнодушным к её боли смехом да звоном рюмок. Маленький подождал ещё немного вечности, выгадал удобный момент, пока мама находилась невысоко от пола, и выскочил из неё. И всё-таки он был слишком маленьким, тем более выскочил головой вперед, поэтому сразу ударился о холодный, каменный, не чищенный с утра пол. Ударился и впервые закричал так, что стало слышно всем. Первый вздох не удался, он пришелся как раз на момент удара, и стал очень болезненным. И сразу же появились первые слёзки, слезки чуждости и испуга, к которым тут же подплыли капельки боли. Так маленький появился и превратился в Матвейку. Мама тоже кричала и плакала, звала на помощь медиков и плакала от боли за себя и за Матвейку. И вместе они докричались, наконец, до того веселья.

Матвейка оказался сильным маленьким человеком. После таких тяжёлых родов ему пришлось два дня лежать в барокамере без материнского молока на одной глюкозе. В последующие дни каждые несколько минут его крохотные ручки вздрагивали, поднимались вверх и медленно опускались, словно в его таких же крохотных, почти несуществующих снах из раза в раз

повторялось то падение, и он пытался хоть как-то смягчить удар о пол своими ручками. Но он достойно все пережил. Теперь он мой игрушечный близнец...

Вы верите в гороскоп? И я нет, но я верю Экзюпери. Я читал его Матвейке, когда тот еще спал в животе у мамы. Я знал, что Экзюпери знает толк в этой жизни, и Матвейку, может быть, научит. «У каждого человека свои звёзды. Одним – тем, кто странствует, – они указывают путь. Для других это просто маленькие огоньки. Для учёных они – как задача, которую надо решать. Но у тебя будут звёзды, каких нет ни у кого. Только у тебя будут звёзды, которые умеют смеяться!». Смейся, Матвейка, вместе с этими звёздами, но никогда не торопись жить и не пускай в свою жизнь никакие стимулянты. Никогда! Помни, Матвейка – всему своё время...

2011 г.

Нарисованные стихи

Когда я после дневной суматохи ворвался из зимы в детский сад, Матвейка был увлечён поездкой в далёкие края на большом самодельном паровозике из мягких кубиков, лишённом колес, рельсов и прочей динамики. Губами Матвейка озвучивал движение. Звуком выходил не паровозик, а старый советский тархтящий автомобиль, но главное, что паровозик вез Матвейку, и не важно, с каким звуком, и не важно, в какие края. Важно, что паровозик куда-то ЕХАЛ. Даже не куда-то, а просто ЕХАЛ под управлением машиниста Матвейки.

Увидев меня в открытую дверь, он остановил паровоз, поставил его на место, крикнул обычное «Папа!» как радостное приветствие, и сразу подбежал к вещевого кабинке, достав оттуда листок бумаги.

- Папа, я нарисовал стихи.
- Нарисовал? Правда?
- Да. Про зонтики.
- Молодец, Матвейка! Красивые, наверное, стихи!
- Да. И ещё про верблюда. Про маленького верблюда. С горбами.
- А сколько у верблюда горбов?
- Четыре. Мне мама привезёт верблюда. Сегодня приедет и привезёт.

Мама уже три дня как была на учебе в другом городе, и Матвейка скучал. По телефону он попросил привезти верблюда. Приехать мама должна была не сегодня и даже не завтра, но для маленького человека, кроме этих двух дней, да вдобавок «вчера», никаких временных периодов больше не существовало, и «сегодня» было самым приятным из них, лучше него только «сейчас». Я взглянул на листок. Стихи были разноцветными и абстрактными. То есть вообще непонятными. Нарисованная карандашами совокупность штрихов. Непонятными потому, что Матвейка ещё не знал общепринятых взрослых букв и образов. Хотя лучше сказать, что это мы, взрослые, пока не удосужились постигнуть детский язык, считая его обычным лепетом и каракулями. Стихи были непонятными, но определённо красивыми. Яркими.

– Теперь листок надо повесить на стену, – сказал я.

– Да, – Матвейка подумал и добавил: – Я тебе его подарю, папа, и ты повесишь на стену. Вот так, – он показал, где у этих стихов верх, то есть начало. А затем рассказал, как он их рисовал. – Сначала рисуем так, потом поворачиваем, – он повернул листок на 90 градусов, – и рисуем так, потом опять поворачиваем и рисуем и опять поворачиваем.

Наверное, в этих стихах было четыре четверостишия. Во всяком случае, при мне Матвейка повернул листок четыре раза, поэтому я и подумал, что четверостиший всего четыре. Хотя нет, не четверостиший – просто стиший, я ведь не знал, сколько строчек в каждом стишии, может, даже одна. Я все-таки попытался их прочитать, и особенно мне приглянулось и понравилось третье стишие. Оно было желтым и большим по сравнению с остальными. В нём чувствовалась самая главная мысль, которую хотел сказать Матвейка. В этом стишии, наверное, жил тот самый волшебный жёлтый верблюд с четырьмя горбами или кто-то прятался под жёлтыми зонтиками. А скорее всего, там Матвейка объяснял, почему зонтики и четырёхгорбый верблюд оказались в одном стихотворении.

Конечно, я – не понимающий давно ушедшего детства, лысый и бородатый дядька – до конца так и не смог проникнуть вглубь стиха. Мешали разные взрослые мысли. К примеру, я сомневался, действительно ли в этом стихотворении у верблюда четыре горба, я ведь помнил, что любимый Матвейкин ответ на вопрос «Сколько?» – это «Четыре». Но волшебство нарисованных стихов очаровывало и без проникновения в содержание. Стихи теперь висят на стене. Матвей мне их подарил. А может, и посвятил. Папе или маме. А я просто не увидел в зонтике и верблюде намек на папу или маму.

Кстати, надо их подписать. «Художник»... Нет... «Поэт»... Опять нет... Лучше «Поэтический художник Матвей Ленский, 3 года. «Стихи про зонтики и четырёхгорбого верблюда». Чтобы взрослым было понятнее.

2012 г.

Воскресенье

- Папа, а у меня сегодня воскресенье! Я буду смотреть мультики.
- Точно? А у всех сегодня пятница.
- Нет, у меня воскресенье.
- А завтра у тебя что?
- Тоже воскресенье.
- А не суббота?
- Нет, воскресенье.
- А послезавтра тоже воскресенье?
- Да, тоже воскресенье.
- Счастливый ты человек, Матвейка. У тебя целых три воскресенья в неделю.
- Да... – многозначительно ответил Матвейка, чуть подумав.

2012 г.

Бабочки

Пять утра. Я набираю на компьютере очередной низкокачественный шедевр из двух абзацев. Пружинистые кнопки клавиатуры шумно вдавливаются, касаются микросхемы и сразу же выпрыгивают обратно. Шум от нее способен разбудить кого угодно в утренней тишине и уступает разве что струйке воды, скользящей по раковине из неисправного крана.

Юля спит рядом на диване. Кажется, крепко, несмотря на шум. Но неожиданно она приподнимается и садится, обволакивая спину одеялом.

Произносит:

– Бабочки...

– Что? – недоумеваю я.

– Твои бабочки...

– Мои бабочки?

– Твои бабочки. Синенькие. Крылышками шелестят.

Я не вмешиваюсь. Молчу. Жду продолжения.

– Синенькие бабочки шелестят крылышками. Оборвать бы бабочкам эти крылышки...

Приговор произнесен. Юля ложится, отворачивается и затихает. Шум кнопок действительно начинает походить в тишине на целый рой бабочек. Продолжая «шелестеть крылышками», я стараюсь все-таки «летать» потише.

Но через пару минут Юля опять просыпается:

– Сережа, ты еще не спишь?

– Нет.

– Сколько времени?

– Пять утра.

– О Боже, ты что завтра будешь делать?

– Ничего, нормально. Выплюсь. Как бабочки?

– Какие бабочки?

– Ну которые шелестят крылышками? Синенькие?

– Ну придумал тоже бабочек каких-то, зима на дворе, иди спать...

И монолог про бабочек остается только в моей памяти, а та Юля, которая единственная видела этих прекрасных, но уж очень назойливых созданий, вряд ли вернется и расскажет поподробней. А картина наверняка была волшебная и красивая, если не хотеть спать.

5 утра. Синий экран затухает. Бабочки улетели. Я засыпаю.

2015 г.

Мужчины и Женщины... и картошка

О, эти дивные отношения между мужчиной и женщиной, между мужем и женой! На фоне растений семейства пасленовых они выглядят не то чтобы особенно, но тоже ярко.

Юля попросила почистить картошки. Попросила вчера, так как хотела вареной картошки с селедкой. Но есть она вчера, в конце концов, перехотела и легла спать. А сегодня я таки пошел. Полез. В подполье. Уронил туда фонарик, затем со психу ведро, пакет и кота Хорька. Под руку попался, но не пострадал, – на всякий случай уведомляю представителей общества защиты котов. Причем Хорек не только не пострадал, но даже весело начал играть пакетом в подполье. Он всегда так: ему волшебного пенделя отвесишь, чтобы дорогу освободил, а он отпрыгнет и начнет что-то играючи катать лапой.

Достал ведро картошки, начал чистить. Но сначала убедился, что только пришедшая из школы Вероника точно спит, мысленно и, на всякий случай, бурчащим шепотом (вдруг услышит) обиделся на нее за то, что она такая хитрая, уснула, когда ей надо чистить картошку. Но Вероника точно спала. Отступить было некуда, позади голодная Юля.

– Сколько ее нужно-то? – этот вопрос всегда задается с надеждой, всегда неоправданной. С конкретикой и арифметикой у Юли не очень, поэтому она сообщила:

– Ну сколько в кастрюлю поместится.

Чистка картошки успокаивает. Но в этот раз сие действие одновременно еще и обратно раздражало. Так успокаиваясь и раздражаясь, я ждал, пока Юля остановит меня, потому что конкретная кастрюля не была указана, и поместить в любую из них при желании можно было целое ведро.

Но Юля молчала. А я все больше злился.

«Ну хорошо», – подумал я и решил чистить картошку целый день. Когда она кончится, слезаю опять в подполье и опять буду чистить без устали, пока все кастрюли не будут наполнены одной картошкой. А Юля, как назло, ушла к ребенку водиться, и не обращала внимания. Но мне показалось, что она поняла мои намерения, потому что, проходя мимо, как бы ненароком сказала, что теперь ей еще и на жареную с салом вечером хватит.

«Тебе еще и на суп хватит завтра!» – ликующе и победоносно мыслил я.

Нет, русские просто так не сдаются. Мужья тем более. Пока она не скажет «Стоп! Хватит! Остановись, Золотая антилопа, я задыхаюсь в море этой картошки!», я не сдамся...

В итоге я проиграл. Ночью, наполняя пятую кастрюлю, я уснул. Но раньше закончилась в доме картошка... Во всяком случае, так я представлял себе свое героическое поражение. Но проиграл я все равно, хоть и по-другому. Потому как женщины умеют поставить в каждом споре свою победную точку. Нелогичную, абсурдную, но победную. Когда это «южно-американское Петра творенье» уже варилось в кастрюле, вторая кастрюля стояла в холодильнике «на завтра», а мы стояли рядом в примирительных супружеских объятиях, Юля задумчиво произнесла: – А с селедкой-то была бы лучше картошка в мундире...

2016 г.

Ногти

Они были странного цвета. Точнее даже – они были цвета. Фиолетового, зелёного – неважно – цвета. Лука их заметил, а тётя, у которой они росли – нет. Умел бы Лука говорить, так бы сразу и сказал: «Тётя, у тебя что-то с ногтями». Но он умел только калякать, поэтому всё открытие вылилось в кратко-ёмкое «Татя».

С «татя» нужно разобраться, подумал Лука, слез с маминых колен и потрогал один ноготь. Не горячий, не кусается, блестит красиво. Посмотрел на мамины – вот же тоже ногти, почему тут тогда так? Попробовал подковырнуть – держались крепко. «Тётя, чего ты улыбаешься – у тебя же «татя». Но тётя улыбалась, видимо, свыклась уже с такой судьбой и теперь умилялась детской реакцией.

«Как же это?» – думал Лука. Хотелось попробовать на вкус, но он был не в том возрасте, чтобы тащить в рот всё подряд. Шурупы, крошки с пола, песок, облупившуюся краску – это да – само собой. Но не ногти, конечно.

Мимо проходила ночная Пасха, кто-то отдыхал на скамейке в трапезной, дети гудели в классе, большинство находилось в храме рядом с песнопениями. Но для Луки сейчас существовали только «татя».

«У всех, как у всех, а здесь... Хотя – как у всех? Надо проверить». Лука полопотал к храмовой комнате. Подошёл к ближайшей тёте, дотянулся до руки, пригляделся – ногти как ногти, повернул – ничего. Обошёл с другой стороны – так же. Проверил ещё двух – «татя», но нецветные.

Задумчивый вернулся к тёте...

Чудная тётя, чудные «татя». Лука забыл бы их уже на следующий день, если бы мама не продолжила дома эксперимент. Теперь у Луки есть собственные, мамины «татя». Достать бы эту краску себе, ух! чего можно тогда изобразить – родители залюбуются!

2017 г.

Гранат, мухобойка и потайное место

Сегодня Лука всех кормил гранатом и был очень доволен, а вчера пытался накормить мухобойкой и обижался, что мы не ели. Только не подумайте – мухобойка – стерильно чистая, зима всё-таки. Но от этого ничуть не вкуснее. А у Луки насморк обильный, поэтому ему что гранат, что мухобойка – один вкус – одна резина. Вот он сейчас и не понимает, наверное, почему мы гранат едим, а мухобойку того же вкуса – нет.

Ещё Лука умеет строить пирамиды и выражения лица. По последним можно сделать однозначный вывод, что хуже текущего мгновения в этой жизни уже не будет. Ведь ему не дают сушку, чашку, вилку, клавиатуру, телефон – а в это мгновение-то как раз необходимо всё и сразу. Так и случается – наступает мгновение следующее – которое самое лучшее – под стать быстро меняющемуся выражению – Лука летит вверх.

И да – Лука ложится спать последним. Пока всех не убаюкает, не удостоверится, что все спят – не ляжет. Ходит по комнатам – проверяет. Вот я сейчас не сплю – рядом стоит – нервничает. Бестолковые родители. Глаз да глаз.

Вот..

* * *

Есть у Луки и потайное место. Он любит туда складывать разные магнитики, листочки, картонки, детальки – в общем, всё плоское или мелкое, потому что другие габариты туда не влезают. На днях Юля спрашивает:

– Серёжа, не видел мой телефон?

– Нет, – говорю, – сейчас позвоню.

Звоню – тишина. И в этой тишине – мысль – «да не может быть».

– Лука, – спрашиваю, – это ты что ли?

А он – хитрый – кулачок к уху приложил и гоняет своё «алё» по дому.

Иду к тайнику, открываю дверцу – лежит аппарат, как родной в эту щель залез, заиндевел уже на холоде. Правильно – добро беспризорное валяться не должно, а в морозилке надолго сохранится.

* * *

У Луки родилась сестрёнка Василиса. Он счастлив, но кровать свою ей ни за что не отдаст. Да это и невозможно, думает он, и единственный знает, почему. Он видит, как Василиса обычно засыпает и знает, но нам пока не говорит.

Мама предупреждает:

– А скоро Василиса подрастёт и всё равно будет залезать на твою кровать, играть в твои спрятанные игрушки и спать там.

– Спать?

– Да – спать.

– Но мама, у меня ведь нет тити...

17.03.2017 – 29.01.2020

Булавка

- Серёжа, ты был прав.
- ...Да. Но всё-таки не совсем.
- Нет, ты был прав во всём.
- Возможно, но я бы не был так уверен.
- Да нет, наверное, почему?
- Ну меня смущает одна деталь.
- Какая?
- Маленькая. Можно сказать, несущественная.
- Какая?
- Булавка.
- Булавка?
- Булавка.
- Какая булавка?

– Маленькая несущественная булавка. Острая. С петелькой. Она упала. И возможно, её никто не заметил.

- Да какая булавка? О чём ты?...

...Вооот. «О чём ты?» – это должен был спросить я в самом начале. Но делать этого всегда почему-то не хочется. Наверно, потому что собеседник ждёт этого вопроса. А моя вредность ждёт сразу же ответа. Все ведь знают про привычку «сказать «А» и не говорить «Б». Это с определённой условностью вредная привычка. Её можно назвать «Сапиенти сат» – «Умному достаточно» – то есть когда человеку даёшь минимум информации с необъяснимым и бессмысленным расчётом на то, что он сам до всего дойдёт. Когда встречаются два «Сапиентисата», может получиться забавный диалог, лишённый сути, но вращающийся вокруг неё и рождающий интригу – кто первый сдастся и начнёт-таки говорить по делу.

А булавка там всё-таки была. Мы с Лукой её уронили. И она действительно упала. В шаге от тех книг, которые были подарены Луке, но Юля решила, что нам дали их просто почитать. И прав оказался я, о чём Юля и сообщила. Булавка выпала из того же пространства, в котором родилась суть предстоящего через сутки диалога. Хотя если в целом, это совсем не суть. И даже не половина кирпича. Впрочем, то уже совсем другая абстиненция булыжника (специально потом посмотрел в словаре – есть такое слово... – «булыжник»).

2017 г.

Там

– Там есть ещё?
– Там есть уже...
Там есть давно, там есть всегда.
Там есть и сколько, и вообще
Зачем, куда, туда-сюда.
Кто-что и с кем, авось, невесть
Наверно, точно, вдруг, совсем.
Там много-много чего есть.
Но нет того, что нужно всем.
Истины.
– Вот почему я тебя ни о чём никогда не спрашиваю...

(ответ Веронике, есть ли в сковороде ещё котлета)

2020 г.

Футбольно-нефутбольное

Последний гол Несмеяныча

Письмо

«Здравствуйте, Алексей Петрович, ох простите, Максим Никитич! Вы меня чуть не обманули)) Я вижу, у вас всё-таки случились проблемы. Ничего, как и обещал, я это поправлю. Уже поправляю, насколько вы успели заметить. Как ваш зуб, кстати? Отдали зубной фее? Уверяю, это начало, и вы знаете. Я буду навещать вас всё чаще и чаще. И ещё раз повторяю. То, что вы делаете, нужно не только мне. Если вы этого не будете делать, вы не нужны. Не только мне. Всего доброго! Увидимся, спишемся, созвонимся...»

Это письмо второе. А первое я написал самому себе 5 лет назад. Посчитал это отличной мотивацией, чтобы создать первую в своей жизни книгу. Я был очень удивлён, обрадован даже, и испуган одновременно, прочитав письмо после, так сказать, его «получения». Когда через неделю после отправления я обнаружил его в почтовом ящике, со всеми штампами и марками, оно выглядело очень реально. И его содержание стало даже зловещим. Деталей не помню, смысл такой: писал мне некто, не представившийся, но уверявший меня, что я всегда его знал. Писал почти дерзко. Или с долей покровительства. Ему нужна была от меня книга. Он убеждал, что я суперталантлив и что должен писать. А задумка, которая владела мною в тот апрель, вообще мегакрута. И главное, она нужна людям, как свет в темноте. Пишите, сказал он мне. А не будете писать, буду отнимать у вас здоровье по крупницам. Он пообещал мне, что так или иначе я закончу книгу, сколько бы усилий и здоровья (усилий ему, здоровья мне) это не стоило. Письмо не сохранилось – листок с конвертом я выбросил в тот же день, попутно зачеркнув своё имя-отчество и исправив на незнакомого мне Алексея Петровича, чтобы казалось, что меня это вообще не касается. Старый компьютер сдох, вместе с ним и электронная версия письма, в которой я так же исправил Максима Никитича на Алексея Петровича. Чтобы наверняка. Бред.

В тот апрель я был почти свободен. От меня ушла жена. Или я ушёл от неё, бросил её с ребёнком, считала она. Или мы вместе приняли это решение. Тут с трёх сторон можно смотреть. Закрывать глаза на важные детали, другие наоборот преувеличивать. В общем, я остался один. Было горько, без ребёнка особенно. Но свободы творчества стало безгранично много, через постоянную внутреннюю боль, свобода вырывалась даже легче обычного. Тогда я и написал то первое письмо как мотивацию.

Написал, чуть-чуть испугался и, вдохновлённый этим чуть-чуть испугом, начал творить. Каждый день по паре строчек-страниц. Работа давалась легко. Выходил, правда, какой-то бред, но выходил. То, что идея нужна миру, я, конечно, сомневался. Ничего особенного. Леонид Андреев на новый лад. Поэтому через месяц бред закончился. И я забыл и про своё предупреждение, и про книгу.

7-й тур

Костя стоял неподвижно возле мяча в центральном круге. Почти как солдат, которому только что дали команду «Вольно», и он позволил себе немного расслабить одну ногу в колене, на один сантиметр отпустить руки от швов, стать чуть-чуть ниже ростом, на деле все так же оставаясь в стойке «Смирно» и не имея права ни сдвинуться с места, ни присесть, ни махнуть рукой, чтобы поприветствовать кого-то вдалеке. Мускулы его тела окаменели, бледное

шлись за стол и увидев те самые хищные журналистские глазища заклятого друга-очкарика в первом ряду, с которым в прошлом году едва не возникла драка, Петрович понял: заключают все равно, и белая полоса не спасет. Они чувствовали агрессию Петровича. Петрович чувствовал обиды за прошлое. Но ничего с собой не мог поделать. Любовь до гроба или нелюбовь одинаково постоянная и беспричинная. Он внутренне сжался, представил, что стоит на воротах, и приготовился к отражению мячей-вопросов.

– Юрий Петрович, ваша команда после невзрачного старта выдала серию из теперь уже 14 игр без поражений, в которую уместилась и серия из 10 побед подряд... – начал тот самый очкарик. Он всегда начинал первым. Петрович не знал, как это ему удастся, и списывал на то, что очкарик купил право на первый вопрос или он ну очень авторитетен среди своих акул пера и микрофона.

– Всё правильно посчитал – молодец! – усмехнулся Петрович.

Очкарик недовольно скривился. Во-первых, его ловко перебил этот грубиян, несмотря на быстрый темп вопроса. Во-вторых, сразу вспомнился конфликт прошлого года, дорогой галстук, заляпанный потными руками этого лысого старика.

– Чем вы... – он попытался сохранить в голосе тот же официально-деловой тон, но уязвленность взяла верх, – объясните такую перемену?

– Ну как чем? В начале чемпионата команда играла квадратными мячами, а затем нам выдали круглые, – зал предупредительно хмыкнул (намекая: побереги бородатые шуточки для вечерних пьяных посиделок): – А если серьезно, то команда нашла игру. Я попытался не мешать ей в этом. Слаженные действия во всех линиях. Упорные тренировки. Везение.

– А про Васильева что скажете? – спросил другой, более скромный и оттого, наверное, более приятный видом паренек.

– Молоток Васильев! Что еще сказать.

– До конца 8 туров. Как оцениваете свои шансы на финише?

– Математически оцениваю. Побеждаем в оставшихся играх, ждём осечек соперников.

– Вам не кажется, что с приходом Васильева ваш футбол стал примитивней? – не вытерпел и опять влез очкарик. Петрович мысленно плюнул на пропущенный от него мяч, опять же мысленно вышел из ворот, снял с журналиста очки, одной рукой смахнул с его тысячедолларового пиджака невидимые пылинки, другой вцепился в нос и сжимал пальцы до тех пор, пока стон очкарика не перерос в пронзительный визг, на фоне которого Петрович и начал:

– Смотрите. Согласен, Васильев забивает однообразно, если не сказать грубее. Но забивает? В начале сезона у нас этим занимался только левый защитник, и то через игру-две. Да, однообразно. Но ему дают это делать? Пожалуйста, мешайте, у других команд есть полный комплект обученных профи. Но не мешают. И вот что ещё – если бы у меня в каждой линии каждый игрок действовал бы так же примитивно – примитивно отбирал мяч, отдавал примитивные пасы, исполнял примитивные стандарты, но делал бы это, как Васильев, я был бы уже самым счастливым 10-кратным чемпионом. Но пока я, к сожалению, только 3-кратный.

– Юрий Петрович, вы же понимаете, о чём я?

– Не понимаю, – нос между пальцами сжался ещё сильнее и захрустел.

– Ну на это же смотреть скучно.

– Не смотрите.

– А вы видели обращение фанатов?

– Мне говорили.

– Что вы думаете?

– Ну это их выбор. Фанаты, особенно их радикалы, всегда чем-то не довольны. Это их обязанность и смысл жизни. В начале сезона они гнали меня за низкие результаты. Сейчас вот из-за Васильева. Пусть. Это глупо.

– За сколько вы приобрели его?

- За бесплатно.
- А как вы его нашли?
- Чудом. Такие таланты только чудом и находятся или воспитываются.
- А подробнее?
- Извините, не комментирую.
- Юрий Петрович, чем Васильев болен? – опять выскочил очкарик. А может, это был и не он, только в голове Петровича звенел лишь его раздражающий голос, утопающий в его же воображаемом визге.
- А ты чем? – спросил Петрович всё-таки у очкарика.
- Юрий Пет...
- Вот и он ничем. Всем спасибо! – Петрович встал, в мыслях отпустив наконец-то чужой нос, и вышел из зала. «Нет, это точно последний раз – лучше штраф, а то меня реально за этого очкарика посадят», – подумал он в очередной последний раз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.